

О ПРЕДМЕТЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ *

А. В. Гулыга

Постановка вопроса

Принято, что учебное пособие по той или иной научной дисциплине начинается с освещения предмета и метода данной науки, то есть вопросов, чем и как она занимается. Однако нередко в учебниках по истории изложению материала предпосылаются лишь краткие сведения об историческом материализме. Между тем исторический материализм — это общая теория социального развития, которая питает методологическими идеями в равной мере все общественные науки, не только историю, но и юриспруденцию, языковедение и т. д. Причем каждая из этих наук имеет свой специфический предмет, не совпадающий с предметом исторического материализма; свою методологию эти науки вырабатывают, основываясь не только на материалистическом понимании истории, но и на материалистической теории познания, логике, диалектике. Предмет исторического материализма и предмет исторической науки также не совпадают.

При определении предмета науки всегда возникают определенные трудности, которые состоят в том, что четко ограничить профиль, задачи и выявить особенности науки становится возможным лишь на определенной ступени ее зрелости. История, в частности, достигла этой зрелости в сравнительно недавний (по отношению к общему времени ее существования) период, претерпев в ходе своего развития существенные изменения.

В античности, как известно, муза истории украшала собой свиту Аполлона — бога искусств¹. Вплоть до XVIII в. сохранилось представление об истории как определенном виде художественного творчества, свободном повествовании, где точность хрониста уживается с живой фантазией умелого рассказчика. Даже И. Г. Гердер — великий немецкий просветитель, сделавший много для того, чтобы на историю можно было взглянуть новыми глазами, в историческом повествовании больше всего ценил эмоциональную взволнованность и образное изложение. Гердер был убежден в существовании общественных закономерностей, но не ему суждено было их открыть. Не решил этой задачи и Гегель, сочетавший еще более глубокую веру в законосообразность общественных изменений с сугубо идеалистическим их истолкованием. Историю Гегель заменил философией истории, которая, по его мысли, должна отказаться от

* В основу статьи положен доклад, прочитанный автором на заседании семинара по философским проблемам исторической науки Института философии АН СССР.

¹ «Историк и поэт отличаются [друг от друга] не тем, что один пользуется размерами, а другой нет: можно было бы переложить в стихи сочинения Геродота, и тем не менее они были бы историей, как с метром, так и без метра; но они различаются тем, что первый говорит о действительно случившемся, а второй — о том, что могло бы случиться» (Аристотель. Поэтика. М. 1957, стр. 67—68).

красочного изложения эмпирических событий и писать, подобно любой другой истинной философии, «серым по серому», раскрывая перед чистой мыслью сокровенный смысл исторического бытия. Предметом истории, по Гегелю, является государство, представляющее собой божественную идею, «как она существует на земле»².

В подлинную науку историю превратил лишь марксизм, положивший в основу понимания общественного развития законы, которые имеют столь же объективное значение, как и законы в любой другой области научного знания. Жизнь человечества для марксиста — это естественно-исторический процесс. Но констатация этого факта еще не дает нам определения предмета истории, так как общественный процесс изучается рядом наук. С какой стороны, с какими критериями подходит к нему история? Чем отличается она от социологии? Иногда приходится слышать, что история и социология суть одно и то же (некоторые готовы приравнять к ним и исторический материализм). Иные возражают против этого, высказывая различные соображения о специфике исторической науки. После долгого перерыва, связанного с культом Сталина, когда повсюду насаждался догматизм, вновь возрождается интерес к теоретическим проблемам истории, возникают творческие споры, и постановка вопроса, которому посвящена данная статья, представляется своевременной.

В докладе академика П. Н. Федосеева и члена-корреспондента АН СССР Ю. П. Францева на заседании Секции общественных наук Президиума АН СССР в январе 1964 г. значительное место было уделено предмету исторической науки, в частности была дана справедливая критика односторонней его трактовки, которая содержалась в четвертой главе краткого курса «Истории ВКП(б)». И в докладе и в прениях отмечалось, что в методологическом отношении история — одна из наиболее сложных, многообразных наук; здесь мы сталкиваемся с удивительным переплетением самых различных познавательных средств. Специфика предмета истории такова, что в основе ее методологии лежат все составные части марксистской философии: диалектический и исторический материализм, этика и эстетика. Помимо разработки теории исторического процесса, историк нуждается в решении ряда логических, гносеологических и эстетических проблем.

Нельзя оставить без внимания и те дискуссии о проблеме истории, которые развертываются на Западе. Здесь до сих пор горячо спорят о том, является ли история наукой. Возникновение марксизма не прошло без следа для буржуазного мировоззрения. В разного рода позитивистских теориях, как в кривом зеркале, отразилась идея исторической закономерности. Для позитивиста история — наука, но наука сугубо эмпирическая. «Исторический «закон», — читаем мы в одной из позитивистских работ, — существует и гибнет вместе с эмпирическими фактами, которые он обосновывает»³. Современные позитивисты решительно отказываются в истории от «догмы универсальности», ратуют за «ограниченные обобщения»; для них историческая наука — это нечто вроде эмпирической социологии, обращенной в прошлое. Они даже не ставят вопроса о познании всеобщих законов развития общества. С другой стороны, вне поля их зрения остается познавательная ценность отдельного исторического события⁴.

² Гегель. Соч. Т. VIII. М.-Л. 1935, стр. 38.

³ T. Doving. History as a Social Science. The Hague. 1960, p. 40. О позитивизме в истории см. И. С. Кон. Неопозитивизм и вопросы логики исторической науки. «Вопросы истории», 1963, № 9, а также его книгу «Философский идеализм и кризис буржуазной исторической мысли». М. 1959.

⁴ «Политическая история, как и другие виды «истории уникального», не имеет никакой практической или дидактической ценности», — утверждает Т. Довринг (T. Doving. Op. cit., p. 89).

Но позитивизм не последнее слово буржуазной идеологии. Ныне в идеалистической философии истории главенствующее положение все больше завоевывают различного рода иррационалистические теории. Своим трагическим мироощущением, культом исторического агностицизма они соответствуют духу эпохи, отмеченной приближающимся концом капиталистической системы. «Разрушители разума» (от А. Шопенгауэра и Х. С. Чемберлена до современных экзистенциалистов) уверяют, что история не является наукой. Задача науки, говорят иррационалисты,— обобщение, а исторические события неповторимы; наука обогащает человека полезными знаниями, а история совершенно бесполезна — единственный урок ее состоит в том, что она ничему не учит; история не способна предвидеть; она субъективна; историческое знание не является научным, так как в нем доминирует моральная оценка⁵.

Однако самый характер повседневной научной работы убеждает ученого-историка в противоположном. В этом отношении весьма показательна книга современного английского историка Э. Х. Карра «Что такое история?», содержащая убедительную критику иррационализма и остроумное опровержение перечисленных выше положений⁶. Конечно, пишет Карр, между Пелопоннесской войной и тем, что разыгралось на полях сражений в 1939—1945 гг., существуют значительные различия, но все же есть и нечто общее, зафиксированное в термине «война». По поводу уроков истории Карр замечает, что они существуют не только в виде прописных истин (каков, например, «урок» Венского конгресса, состоящий в том, что дипломатам не следует бросать секретные документы в корзину для бумаг, так как ее содержимое может стать достоянием разведки другого государства). Каждое новое поколение учится на примере предшествующего. Изучение истории дает возможность увидеть и некоторые общие черты будущего. Историк, разумеется, не может предсказать частные события, потому что они включают в себя элемент случайности, но аналогичное положение существует и в других науках, например, в медицине. Если два или три ученика в классе заболели корью, врач предсказывает распространение болезни, однако он не может сказать, что заболит Чарли или Мэри. Точно так же нельзя утверждать, что через месяц в Руритании произойдет революция, и все же, изучив жизнь страны и учитывая опыт истории, можно сделать вывод относительно того, что революция в конце концов вспыхнет. Что касается активной роли субъекта, который не только изучает исторический процесс, но и участвует в нем, то Карр прав, утверждая, что отношение взаимной связи и зависимости между субъектом и объектом существует и во многих других науках; век классического созерцательного эмпиризма давно миновал. Наконец, Карр, отмечая тесную связь между историей и моралью, подчеркивает, что определяющую роль в оценке исторических событий играют не просто нравственные критерии. Не отказываясь от моральной оценки, историк все же судит об исторических деятелях и их делах, о политике государства и т. п. с точки зрения их прогрессивного или реакционного значения.

Убедительно критикует Карр и некоторые догмы позитивистов, например, характерную для них фетишизацию эмпирических данных. К. Поппера он уличает в произвольной трактовке К. Маркса. Но в позитивных своих построениях Карр крайне расплывчат и неубедителен. Вынесенный в заголовок книги вопрос, что такое история, остается в его

⁵ Следует отметить, что наряду с позитивизмом и иррационализмом (а также разного рода религиозными теориями) в буржуазной философии истории существует множество промежуточных теорий, подчас эклектически соединяющих различные методологические принципы. Это, в частности, нашло отражение в материалах симпозиума по философии истории, организованного в июне 1961 г. Гарвардским университетом (см. «History and Theory», 1963, vol. III, № 1).

⁶ См. E. H. Carr. What is History? London. 1962.

работе, по сути дела, без ответа, и не у Карра, разумеется, нам следует искать решения этой проблемы. Но показательное другое: буржуазный историк, знающий свое дело и стремящийся к теоретическому его осмыслению, подвергает сомнению некоторые положения идеалистических теорий. Для Карра (автора пятитомной истории Советской России), по-видимому, не прошло даром знакомство с трудами К. Маркса и В. И. Ленина. Его книга говорит о том, что материалистическое понимание истории все больше завоевывает умы буржуазных ученых, подчас неосознанно тянущихся к научному решению методологических проблем.

Многозначность термина

Термин «история» многозначен⁷. В русском языке можно насчитать по крайней мере шесть значений этого слова. Два из них имеют чисто бытовой характер. Это история как повествование и история как происшествие. Человек, «сочинивший историю», — еще не историк, а «попасть в историю» далеко не всегда значит обесмертить свое имя.

Остальные четыре значения термина «история» имеют отношение к науке. Это прежде всего история как процесс развития. Мы говорим об истории мироздания, об истории Земли, ее флоры и фауны. Мы говорим об историческом рассмотрении предмета, о проникновении историзма в любую науку⁸. Именно в этом смысле следует понимать слова К. Маркса и Ф. Энгельса в «Немецкой идеологии»: «Мы знаем только одну единственную науку, науку истории. Историю можно рассматривать с двух сторон, ее можно разделить на историю природы и историю людей»⁹. Таким образом, провозглашение истории единственной наукой — это в данном случае лишь требование рассматривать любое явление исторически, то есть в развитии, в движении от низшего к высшему. Существует общая теория развития, совершающегося в любой сфере действительности, — природе, обществе, мышлении. Это диалектический материализм. Поскольку история общества берет свой объект в качестве развивающегося целого, она опирается на законы и категории диалектики.

Другое научное значение термина «история» состоит в определении им жизни общества. «История — не что иное, как деятельность преследующего свои цели человека»¹⁰, — читаем мы у К. Маркса и Ф. Энгельса. В этом смысле мы говорим о законах истории, противопоставляя их законам природы. Законы истории, то есть законы общественного развития, изучаются не только историками, но и социологами, экономистами, юристами, искусствоведами. В наиболее обобщенном виде эти законы составляют содержание исторического материализма — философской науки, являющейся методологической основой исследования не только для историка, но в равной мере и для представителей других общественных наук. Специфика той науки, которой занимается историк, состоит в том, что она обращена к прошлому.

История — это прошлое. Таково третье научное значение рассматриваемого нами термина. Принадлежать истории — значит относиться к прошлому.

⁷ Об этимологии слова «история» см. К. Керк. *Historia. Geschichte des Wortes und seiner Bedeutungen in der Antike und in den romanischen Sprachen*. 1934.

⁸ Для марксиста историзм означает требование рассматривать предмет в развитии, в конкретных условиях того или иного этапа развития. В буржуазной литературе под историзмом зачастую понимают предельную индивидуализацию событий, доходящую до отрицания чего-либо стабильного, каких-либо закономерностей. Отсюда следующее определение: «В философии историзм выступает как исторический релятивизм» (F. Austeda. *Wörterbuch der Philosophie*. Berlin — München. 1962, S. 105).

⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 3, стр. 16, примечание.

¹⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 2, стр. 102. См. также характеристику Ф. Энгельса: «Исторические науки суть те, которые не являются науками о природе» (К. Маркс и Ф. Энгельс. *Избранные произведения*. Т. 1. М. 1952, стр. 327).

Наконец, термином «история» мы обозначаем науку, изучающую прошлое человеческого общества. Это и есть собственно история, историческая наука. Наша статья посвящена выяснению предмета именно этой науки.

Семантический анализ термина «история» представляется совершенно необходимым, так как отсутствие должной строгости в употреблении понятий, с которыми мы сталкиваемся, даже в фундаментальных справочных изданиях создает дополнительные трудности при определении предмета и задач исторической науки. В «Большой Советской Энциклопедии» говорится, что термином «история» обозначается процесс развития, и далее история определяется как наука, «изучающая развитие человеческого общества как единый, закономерный во всей своей громадной разносторонности и противоречивости, процесс»¹¹. Приведенное определение повторяет ленинскую характеристику исторического материализма.

В «Философской энциклопедии» мы читаем: «История применительно к обществу обозначает: 1) реальный процесс развития общества в целом, а также отдельных стран, народов или сторон общественной жизни; 2) науку, изучающую этот процесс во всей его конкретности и многообразии»¹². Между тем такой единой науки нет; процесс развития общества во всем многообразии встающих при этом проблем — предмет изучения всей совокупности гуманитарных дисциплин. История не занимается перспективами развития общества (хотя ее выводы имеют важное значение при определении последних), ее взгляд ретроспективен, ее внимание приковано к достигнутым результатам. Но не суживает ли подобный «уход в прошлое» задач истории, не приводит ли он к потере ее актуальности? Все дело в том, как понимать прошлое.

Реальность прошлого

В рассказе М. Эме «Декрет» с героем происходят странные метаморфозы. Внезапно он переносится в будущее, на семнадцать лет вперед, затем столь же неожиданно возвращается назад. Человек, от лица которого ведется повествование, обескуражен, он размышляет по поводу случившегося и приходит к выводу, что время есть всего лишь переход его сознания из одного мира в другой. Существует бесчисленное множество миров, и каждая секунда переносит человека в новую действительность.

Это точка зрения релятивиста, позитивиста-эмпирика, проверяющего истину лишь показаниями органов чувств, не признающего ничего, кроме непосредственно данного. Позитивизм отвергает понятие материи на том основании, что невозможно поставить единичный эксперимент, доказывающий ее существование. Такой эксперимент действительно провести нельзя, но дело заключается в том, что далеко не все сущее находит свое подтверждение в единичном эксперименте. Существование материи доказывается не каким-либо одним экспериментом, а всем совокупным опытом науки и повседневной практики.

Для позитивиста предмет истории ирреален: прошлого нет, и историк не видит «ничего реального, кроме исписанной бумаги», как говорил в свое время французский буржуазный историк Ш. Сеньобос¹³. Неужели это так? Неужели история трактует только о том, чего нет? Тогда действительно значительная часть деятельности историка есть времяпрепровождение весьма сомнительного свойства, и он может претендовать на звание ученого только там, где имеет дело с «верифицируемыми остатками».

¹¹ «Большая Советская Энциклопедия». Т. 19. Изд. 2-е, стр. 24.

¹² «Философская энциклопедия». Т. 2, стр. 368.

¹³ Ланглуа и Сеньобос. Введение в изучение истории. СПб. 1899, стр. 173. «Единственной реальностью является настоящее» — такова точка зрения позитивиста Г. Рейхенбаха (Г. Рейхенбах. Направление времени. М. 1962, стр. 12).

В рассуждениях позитивистов есть доля тривиальной истины, состоящей в том, что совершившееся событие утрачивает существование. Вы приходите на поле боя, где были ранены, и не узнаете его: исчезли разрушения, воронки, траншеи, вас окружает мирный пейзаж. А где участники боя? «Иных уж нет, а те далече». Но вот вы заходите в деревню и видите памятник погибшим, при желании вы можете найти и очевидцев сражения, память о котором продолжает жить.

Историческое событие, совершившись, не переходит в чистое небытие. Оно продолжает жить, и подчас не только в сознании людей, но и в материальных процессах. Взятие власти пролетариатом в России произошло в течение короткого времени, но реальность этого события бесспорна, в иных местах земного шара она ощущается сегодня даже значительно сильнее, чем в октябре 1917 года. Десять дней, которые в свое время потрясли мир, продолжают влиять на ход современных мировых событий. Великая Октябрьская социалистическая революция живет в достижениях Советской страны, в борьбе за социализм других народов, в новых принципах международных отношений.

Диалектика позволяет различать понятия «бытие» и «существование». Первое значительно шире второго. Существование — это непосредственное бытие; его противоположность — бытие опосредствованное чем-либо. Противоположность бытия — небытие, чистое ничто, лишенное каких-либо определений. Существование — это настоящее, момент перехода от будущего к прошлому. Понятием «бытие» мы охватываем то, что было, есть и будет.

Реально все то, что обладает бытием. Реально не только настоящее (это высшая степень, полнота реальности), но и прошлое и будущее. Мы недаром говорим о реальных возможностях, как о том, что принадлежит окружающей нас действительности, для осуществления чего имеются необходимые условия. Полет на Луну — ныне совершенно реальная вещь, менее реален полет на другие планеты, а выход за пределы солнечной системы обладает в настоящее время минимальной долей реальности.

Различной степенью реальности обладает и прошлое. События, которыми человечество живет сегодня (мы показали это на примере Октября), отличаются от событий, о существовании которых мы лишь предполагаем, зная о них по преданиям или малодостоверным источникам.

Общество — это не только живущие сегодня люди, это система отношений, существующая много веков; для жизни общественного организма события этих отдаленных веков столь же реальны, как для отдельного индивида то, что случилось с ним в детстве. Человек не может отказаться от своего прошлого; даже если он забыл его, оно вторгается в его жизнь. Точно так же обстоит дело и с человечеством: история — это его память, она хранит и воспроизводит все то, что ему дорого и что ненавистно.

Материальные и духовные ценности, созданные в прошлом, принадлежат настоящему. Без их освоения невозможно движение вперед; люди принимают эстафету из рук предшествующих поколений и нанизывают новые звенья на цепь культурного развития человечества. После Октябрьской революции, когда в нашей стране происходила ломка давно сложившихся политических и экономических отношений, раздавались голоса, требовавшие «сжечь Рафаэля», отказаться от достижений прошлого и строить на голом месте «пролетарскую культуру». Однако уже тогда была ясна абсурдность подобных призывов. Революция породила потребности приобщения народных масс к культуре прошлого и создала для этого исключительные возможности. «Нужно, — говорил В. И. Ленин, — взять всю культуру, которую капитализм оставил, и из нее построить социализм»¹⁴.

¹⁴ В. И. Ленин. Соч. Т. 29, стр. 52.

Насколько очевидно, что Рафаэль (равно как и Декарт и Гомер) важен для жизни советского общества, настолько ясно, что и история нам нужна не только «за прошлый год». Конечно, повышенный интерес к материалам новейшей истории вполне оправдан: именно здесь в первую очередь человечество находит объяснение явлениям современности. Но все же значение исторического исследования отнюдь не всегда измеряется близостью к сегодняшнему дню. На свете происходит много событий не влияющих на ход общественного развития, знание их совершенно не обязательно для человечества; вместе с тем в далеком прошлом есть вещи, реальность которых мы ощущаем до сих пор, не зная их нельзя. Можно сделать предметом исследования материал самого новейшего времени и не создать ничего актуального; вместе с тем иное археологическое изыскание дает нечто весьма важное для сегодняшнего дня¹⁵.

Итак, прошлое обладает реальностью, не зависящей от сознания человека. Поэтому справедливо говорить об объективной реальности предмета исторической науки и об отражательном характере исторического познания.

Индивидуальное и социальное

В. И. Ленин отмечал следующие, весьма существенные недостатки домарксистских учений об обществе: «Во-1-х; они в лучшем случае рассматривали лишь идейные мотивы исторической деятельности людей, не исследуя того, чем вызываются эти мотивы, не улавливая объективной закономерности в развитии системы общественных отношений, не усматривая корней этих отношений в степени развития материального производства; во-2-х, прежние теории не охватывали как раз действий масс населения, тогда как исторический материализм впервые дал возможность с естественно-исторической точностью исследовать общественные условия жизни масс и изменения этих условий. Домарксовская «социология» и историография в лучшем случае давали накопление сырых фактов, отрывочно набранных, и изображение отдельных сторон исторического процесса»¹⁶.

Поэзия, говорил Аристотель в уже цитировавшейся нами «Поэтике», философичнее и серьезнее истории, ибо, по его мнению, первая говорит об общем, а вторая — о единичном; поэт повествует о вероятном и необходимом, историк же лишь рассказывает, что сделал тот или иной человек, например, Алкивиад, или что с ним случилось.

Интерес к судьбам личности, к ее запросам и действиям был потерян в средние века, когда утвердилось провиденциальное понимание истории как промысла божьего. Растворение личного, человеческого, в общем, божественном, вызывало протест бунтарей духа, выразивших в конечном счете революционные или оппозиционные настроения угнетенного народа. Так появляются различного рода еретические учения, в которых человек-тварь христианской религии превращается в человека-творца, равного богу. Возрождение секуляризировало идею свободной личности, создало своеобразный культ сильного человека, пролагающего неизведанные пути в заморские страны, раздвигающего горизонты науки и искусства, творящего историю.

Однако вскоре было замечено, что люди не в состоянии предвидеть общественные результаты своей деятельности. Каждый индивид преследует свои собственные, личные цели, но в итоге возникает нечто такое, чего не было в его намерениях. Человек, который из мести поджег дом своего соседа, вызвал пожар, уничтоживший целый город; результат, порожденный действием преступника, вышел далеко за пределы постав-

¹⁵ См. об этом Л. Монгайт. Археология и современность. М. 1962.

¹⁶ В. И. Ленин. Соч. Т. 21, стр. 40.

ленной им цели. Нечто подобное происходит и во всемирной истории. «Когда арабы,— писал Ф. Энгельс,— научились дистиллировать алкоголь, им и в голову не приходило, что они этим создали одно из главных орудий, при помощи которого будут истреблены коренные жители тогда еще даже не открытой Америки. А когда Колумб потом открыл эту Америку, то он не знал, что он этим пробудил к новой жизни давно исчезнувший в Европе институт рабства и положил основание торговле неграми. Люди, которые в XVII и XVIII веках работали над созданием паровой машины, не подозревали, что они создают орудие, которое в большей мере, чем что-либо другое, будет революционизировать общественные отношения во всем мире...»¹⁷.

К началу XVIII в. факт несовпадения индивидуальных целей и общественных результатов в деятельности людей стал уже достоянием науки. Об этом писал, в частности, итальянский мыслитель Дж. Вико¹⁸. Гегель в значительной степени повторял Вико. Несовпадение индивидуального и общественного он называл «хитростью разума». Божественный разум, по словам Гегеля, не только могуществен, но и хитер; его хитрость состоит в «опосредствующей деятельности, которая, дав объектам действовать друг на друга соответственно их природе и истощать себя в этом воздействии, не вмешиваясь вместе с тем непосредственно в этот процесс, все же осуществляет лишь свою собственную цель»¹⁹.

Средневековая христианская идея общности людей и осуществления высших целей выступила здесь в сочетании с пониманием роли, которую играет индивид, наделенный сознанием и волей. Философия истории Гегеля утверждала творческую активность личности, но предупреждала о том, что в деятельности человека есть нечто надиндивидуальное, содержащееся в его поступках, но отсутствующее в намерениях. В мистической форме здесь была выражена идея социального начала, порождаемого совокупным действием массы людей.

Задача современной науки об обществе, в том числе и истории, состоит в сведении «индивидуального к социальному с полнейшей точностью и определенностью»²⁰. Марксизм достигает это своим учением об экономической структуре общества и классовой борьбе. Общество рассматривается как органическое целое, совершающее поступательное движение от низшего к высшему.

Материалистическое понимание истории дает научный критерий прогресса, столь необходимый для оценки роли и значения исторических событий. Высшим критерием движения общества вперед являются, по В. И. Ленину, «интересы развития производительных сил»²¹. Но что такое производительные силы? Это не безликая сила природы. Главная производительная сила — люди; прогресс совершается во имя человека.

Человек — существо общественное, но вместе с тем это личность, не только имеющая право на развитие своих индивидуальных особенностей, но обязанная их развивать во имя блага коллектива. Общество заинтересовано в существовании яркой, непохожей на других творческой индивидуальности.

Марксизм, сводя «индивидуальное к социальному», отнюдь не топит личность в безликой массе, ему чужда идея человека-винтика, наоборот,

¹⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 20, стр. 497.

¹⁸ «Сами люди создали этот Мир Наций... но этот Мир, несомненно, вышел из некоего Ума, часто отличного, а иной раз совершенно противоположного, и всегда — превосходящего частные цели самих людей, тех людей, которые ставили себе эти цели. Делая из таких ограниченных целей средства для служения целям более широким, Ум всегда пользовался ими для сохранения поколения людей на Земле» (Дж. Вико. Основания новой науки об общей природе наций. М.-Л. 1937, стр. 470).

¹⁹ Гегель. Соч. Т. I. М.-Л. 1930, стр. 318—319.

²⁰ В. И. Ленин. Соч. Т. 1, стр. 390.

²¹ В. И. Ленин. Соч. Т. 13, стр. 219.

он проявляет повышенный интерес ко всем многосторонним потенциям неповторимой индивидуальности. Мы ценим наших великих современников — государственных деятелей, в руках которых находятся судьбы мира, героев космоса, героев производства, выдающихся представителей науки, искусства. Мы хотим все знать и о деятельности ушедших поколений, о «жизни замечательных людей», больших и малых.

Историю делают люди, и вполне понятен живой, человеческий интерес к тому, как это происходит, и не только в целом, но и в деталях. Поэтому предметом истории являются не только законы развития общества, но и их конкретные проявления. Историк изучает не только общее, характерное для ряда событий, но и многие индивидуальные, неповторимые особенности этих событий. Прошло полтора века после Бородинского сражения, но нас по-прежнему (сегодня, может быть, даже больше, чем в прошлом) волнуют мельчайшие подробности этого драматического дня.

Каковы те познавательные средства, которыми пользуется историк? В первую очередь это средства научного, абстрактного мышления. Историк собирает и проверяет источники, объясняет и обобщает факты, в его логических операциях много общего с деятельностью ученых в других областях, но вместе с тем есть и определенные особенности, которые настоятельно требуют научной разработки этих проблем²².

В отличие от большинства наук история широко прибегает к помощи образно-эмоционального мышления. То, что для естествоведов является исключением, вспомогательным средством, для историка зачастую становится правилом. Это определяется спецификой предмета истории, необходимостью воссоздавать неповторимые судьбы людей, их помыслы и свершения. Отсюда вытекает особое эстетическое и воспитательное значение истории.

17 сентября 1962 г. в «Известиях» была опубликована статья «История и современность» С. Д. Сказкина, М. А. Барга, В. М. Лавровского, авторы которой склонны считать, что подобный подход к истории снижает ее ценность как науки, превращает ее в беллетристику. Поэтому, защищая историю, они делают акцент на тех ее сторонах, которые у нее общи с естественнонаучным исследованием. Нам кажется, одни стороны истории не следует противопоставлять другим. Разве воспитательная роль истории делает ее наукой «малоактуальной»? Наоборот, это повышает ее значение в обществе, поставившем своей задачей моральное перевоспитание человечества. Разве образный метод обобщения, раскрытие общего через индивидуальное, сущности через явление снижает познавательную силу истории? Наоборот, это в значительной степени расширяет ее возможности.

Историк пользуется двумя методами обобщения — логическим и образным, оба они находятся в тесной связи. Каков характер этой связи? Где та граница образного мышления, переступить которую не имеет права историк, желающий остаться на почве научности? Здесь встает целый комплекс вопросов, требующих всестороннего и глубокого изучения. И эстетика истории имеет такое же право на существование, как и ее логика.

Общество в целом

Несколько лет назад философская общественность обсуждала проблему предмета своей науки. Ставился, в частности, вопрос, изучает ли философия мир в целом. Выступавшие справедливо отмечали, что кар-

²² В свое время (см. «Вопросы истории», 1961, № 3) проф. А. И. Данилов обратился с письмом к советским историкам и философам, призвав их к совместной разработке гносеологии и логики истории. Мы всецело поддерживаем этот призыв; свое отношение к проблеме мы высказали в статье «О характере исторического знания» («Вопросы философии», 1962, № 9).

тину мира в целом, во всех его существенных сторонах и деталях дает не философия, а энциклопедия, представляющая собой свод основных научных данных. Философия же изучает мир как развивающееся целое, формулирует предельно общие законы его развития.

Аналогичным образом можно рассуждать и в отношении общества. Философская наука — исторический материализм — изучает общество как целое, как систему органических связей, совершающую поступательное движение от низших ступеней к высшим. Картину общества в целом дает вся совокупность гуманитарных наук. В ведении истории находится прошлое, все его стороны и аспекты; гражданская история изучает прошлое человеческого общества в целом, это энциклопедия прошлого.

Отсюда легко увидеть, что отличает гражданскую историю от историй специальных, отраслевых. Каждая область человеческой деятельности имеет свое прошлое, свои закономерности развития, а следовательно, свою историю. Есть история физики, история лирики, история международных отношений. История того или иного предмета связана теснейшим образом с теоретическим его рассмотрением, вместе с тем она составляет какую-то часть, пусть очень небольшую, гражданской истории.

Гражданская история многопланова и универсальна, она отражает все основные процессы, все общественно значимые события рассматриваемого отрезка времени. Может быть, не стоило бы повторять эту тривиальную истину, если бы под пером некоторых наших авторов гражданская история не теряла свою универсальность. Предмет истории искусственно ограничивается политической жизнью, слегка приправленной некоторой дозой экономики; история духовной культуры зачастую остается вне поля зрения.

Недостаточное внимание освещению истории духовной жизни общества уделяет, в частности, «Советская историческая энциклопедия». Вышло три тома, и по ним уже можно составить некоторое представление. В обобщающих статьях по отдельным странам очень мало сведений об истории культуры и идеологии этих стран. Непонятно, какими принципами руководствовались редакторы СИЭ, публикуя статьи о великих деятелях культуры. В энциклопедии можно узнать о комедиографе Аристофане, но нет сведений о Бомарше, есть статьи о философах Бейле, Бэконе, но читатель ничего не узнает о Болингброке (кстати сказать, авторе «Писем об изучении и пользе истории», представляющих для историков несомненный интерес). В энциклопедию «попал» Лоренцо Валла, чего нельзя сказать о Боккаччо. Есть статья о химике Бахе, но нет упоминания о композиторе. В третьем томе речь идет о немецком медиевисте Эдуарде Винкельмане, о котором справедливо говорится, что он «излагал лишь политическую историю с некоторыми экскурсами в область государственных и административных институтов», а о великом мыслителе Иоганне Иахиме Винкельмане, основателе современной археологии и истории искусства, очень много сделавшем для подготовки изучения истории человечества в органической связи всех его институтов, почему-то нет ни слова. Зато много статей посвящает СИЭ незначительным дипломатам, царям, генералам.

Упущения СИЭ отражают некоторую общую тенденцию в подходе к предмету исторической науки. Анализ развития общественного сознания либо отсутствует, либо занимает второстепенное место в монографиях, учебниках по истории.

В сложившейся ситуации есть своя логика: поскольку существуют специальные учреждения и выходят специальные работы, исследующие историю науки, искусства, философии, гражданский историк может сосредоточить свое внимание на политической истории. Однако логика эта весьма шаткая: задача ведь заключается не только в том, чтобы сооб-

щить читателю определенный комплекс сведений из различных областей истории духовной культуры, но и в том, чтобы дать анализ развития общества в целом, во взаимодействии всех его сфер. Конечно, очень сложно проследить на материалах данной эпохи взаимное воздействие экономики, политики и общественного сознания, но это необходимо, и никто, кроме гражданского историка, не в состоянии этого сделать.

Говорят, что история открывает широкие возможности для дилетантизма; стать посредственным историком легче, чем плохим математиком. Не будем спорить, отметим другое: чтобы стать хорошим историком, нужно быть энциклопедически образованным человеком, нужно обладать особым талантом синтетического мышления, умением охватить единым взглядом жизнь эпохи, подойти с единым критерием к любой сфере исторического бытия. Это не так легко.

История и социология

В заключение сопоставим историческую науку с родственной дисциплиной — социологией. В марксистской литературе имеются на этот счет различные суждения. Польский ученый А. Шафф отождествляет предмет этих двух наук. В своей известной работе о законах истории он пишет: «Выше мы констатировали, что как историография, так и социология имеют общий предмет исследования: развитие и законы развития общества. Теперь мы можем констатировать, что они имеют различные способы исследования и представления результатов своих исследований: исторический способ в одном, логический в другом случае»²³.

Книга А. Шаффа направлена своим критическим острием против буржуазных теорий идиографизма, и ее автор в пылу полемики допустил, на наш взгляд, неточность, отождествив по предмету две различные, хотя и родственные науки. История и социология изучают один и тот же объект — человеческое общество, но изучают его с различных сторон, поэтому предметы этих наук не совпадают.

На ошибочность суждения А. Шаффа справедливо указал В. П. Рожин, но он выступил против точки зрения польского марксиста с позиций, которые как раз подвергнуты справедливой критике в книге последнего. В. П. Рожин пишет: «Историческая наука изучает общественную жизнь в целом во всех ее областях, но она не занимается открытием и формулированием управляющих ею законов как таковых... Другими словами, историческая наука... следует по стопам событий, а марксистская социология дает теорию этих явлений и событий»²⁴.

Иногда спрашивают, где, когда, какой историк открыл хотя бы один закон. Но подобный вопрос не может поставить в тупик К. Маркс, Ф. Энгельс, В. И. Ленин были великими историками, и все основные законы общественного развития выведены на основании изучения и обобщения «Монблана фактов» истории. Знаменательно, что профессиональный историк Л. Морган, исследовавший жизнь первобытного общества, «по-своему вновь открыл материалистическое понимание истории»²⁵.

Противопоставлять историю социологии как эмпирию теории — значит повторять ошибку не только домарксистского, но даже догегелевского времени. Уже Гегель показал, как история наполняется теоретическим содержанием, а теория пронизывается историзмом. Историк, стоящий на уровне требований современной науки, — всегда теоретик. Любое социологическое исследование, построенное на материалах прошлого,

²³ А. Шафф. Объективный характер законов истории. М. 1959, стр. 380.

²⁴ В. П. Рожин. Введение в марксистскую социологию. Л. 1962, стр. 36.

²⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 21, стр. 25.

есть исследование историческое. За пределами истории лежат лишь социологические обобщения, относящиеся к настоящему и будущему.

Вместе с тем следует иметь в виду, что термином «социология» мы обозначаем две науки. Марксистская общетеоретическая социология — это исторический материализм, его взаимоотношения с исторической наукой нам уже в общих чертах известны. Кроме того, термин «марксистская социология» служит для обозначения теории научного коммунизма — науки о возникновении и развитии коммунистической формации. Сюда же относятся конкретные социологические исследования, изучающие и обобщающие процессы, которые протекают в той или иной стране в данное время, в данных условиях. В СССР и в других социалистических странах все шире разворачиваются социологические исследования организации труда, его производительности, образования, общественно-го мнения, использования свободного времени и т. д.

Разделение «сфер влияния» между историей и конкретной социологией также проходит по той подвижной линии, которая отделяет прошлое от настоящего. Конечно, здесь много точек соприкосновения и даже прямого совпадения: настоящее ежечасно, ежеминутно переходит в прошлое, и данные социологии быстро становятся историческими источниками.

Социолог, занимающийся конкретным исследованием, имеет дело с непосредственной реальностью, он может поэтому ставить эксперименты и широко пользуется практикой как критерием истины. Историк в значительной степени лишен этого, задним числом он может внести поправки в выкладки социолога, но лишь путем сопоставления с другими, более достоверными данными.

Дело социолога — абстрагирование; в принципе ему не заказано обращение к индивидуальному событию как к иллюстрации или средству познания общего, но это уже сфера не конкретной социологии, а публицистики, искусства документального очерка, репортажа (литературного и кинематографического), который также быстро превращается в исторический источник.

Резюмируем сказанное выше. Предметом гражданской истории является развитие человеческого общества, его законы и их конкретные проявления, относящиеся к прошлому. Особенность исторической науки состоит в том, что в ее задачи входит как обобщение эмпирического материала, так и непосредственное воссоздание индивидуальных особенностей событий. В силу этого история широко использует не только логическое познание, но и образно-эмоциональное мышление. Все частные задачи, которые решает историк, так или иначе подчинены главному — созданию цельной и наиболее полной картины пути, пройденного человечеством, без знания которого невозможно осмысленное движение вперед.